

ДЕТКИ В «ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ»

Проблемы психической депривации у детей в обеспеченной семье

Наталья Белянкова,

доцент
Арзамасского
государственного
педагогического
института им.
А.П. Гайдара,
директор научно-
методического
центра, кандидат
педагогических наук

Некоторым людям
осколки попадали
прямо в сердце, и это
было хуже всего:
сердце превращалось
в кусок льда.

Х.-К. Андерсен.
«Снежная королева»

Излишнее чадолобие русских всегда вызывало усмешку на Западе. Дескать, русские живут только прошлым и будущим, а в настоящем у них ничего нет. И тем не менее общеизвестно, что многие иностранцы предпочитают жениться именно на русских женщинах, которые становятся терпеливыми и преданными жёнами, добрыми и заботливыми матерями, хлопотливыми бабушками. Да, мы автоматически кидаемся на помощь упавшему ребёнку. Неважно — своему или чужому. Машинально начинаем «показывать козу» плачущему чужому малышу. А вспомните, как во времена дефицита кто-то даже назвал нас голодными волчицами, готовыми на всё, чтобы добыть продукты для своих детей.

И вдруг в нашем обществе всё чаще и чаще стало встречаться непривычное для нас явление — полнейшее равнодушие молодых матерей к своим детям. Причём не алкоголичек, не наркоманок, не полунищих, а вполне уважаемых, ухоженных дам.

Пока количество их сравнительно невелико, потому и выделяются они на общем фоне. Большинство тех, кто мечтал о карьере актрисы, певицы или модели, устраивается на вполне обычную (медсестра, учительница, швея и т.д.) работу, выходит замуж, рождает и пестует ребёнка — хорошо ли, плохо ли, правильно или не очень, — но любит своё дитя, воспитывает его и защищает. Вспомните комитеты солдатских матерей, да и просто матерей без всяких комитетов, которые мечтают по горячим точкам страны в поисках своего пропавшего сына.

Но есть и другие матери. Представьте себе улицу со снующим по своим делам народом. Зима, мороз градусов под тридцать. У дверей магазина стоит одетый в нарядную курточку мальчик лет десяти с маленькой собачонкой на поводочке. Оба они явно мёрзнут. Мальчик переступает с ноги на ногу, поднял и застегнул доверху воротник курточки, собачонка поднимает то одну, то другую замёрзшую лапку. На нищих, просящих подаяние, не похожи. Время идёт, но мальчик с собакой не трогаются с места. На предложения проходящих зайти погреться в магазин мальчик тоном хорошо воспитанного ребёнка, вежливо, но непреклонно отвечает, что мама велела ему ждать здесь и не отходить ни на шаг. Вокруг него собирается маленькая группа женщин, все его уговаривают, но результат тот же. Наконец одна из пожилых женщин вбегает в магазин и, пробегая по отделам, буквально кричит: «Женщины, кого ожидает на улице мальчик с собакой?!» От витрины отходит молодая дама лет 28–30, строго и элегантно одетая, с ухоженным лицом, и отвечает:

— Меня, а в чём дело?

— Ребёнок замёрз совсем! Нельзя же так!

— Бабуся, занимайтесь своими делами, а в своих я как-нибудь сама разберусь!

Тем не менее роскошная дама выходит из магазина, видит вокруг своего ребёнка возмущённых женщин, наклоняется над сыном и приторно-нежным голосом спрашивает:

— Ты действительно замёрз, Димочка?

— Нет, мама.

— Ну хорошо, подожди ещё.

И... походкой модели уходит обратно в магазин. Мальчик с собачкой остаются мёрзнуть на улице. На глаза мальчика наворачиваются слёзы, но он терпеливо стоит с видом маленького мученика. Собачонка начинает дрожать и скулить. Женщины буквально затаскивают их в тёплый магазин, хотя мальчик упирается и упрямо твердит: «Мама велела мне ждать на улице». Вдруг слышится строгий возглас этой, с позволения сказать, «мамочки»:

— Дима, я же сказала, жди на улице! Иди погуляй.

Мальчик покорно идёт мёрзнуть.

Что это? Почему так бесчувственна мать? Почему ребёнок, как маленький спартаец, стойчески терпит боль?

Вы скажете, что это крайний случай, что таких «красавиц» мало, в семье не без уроды и т.д. Но кто из нас не наблюдал, как эти длинноногие, модно одетые мамы, со сложным макияжем на лице, гордо вышагивая, тянут за собой разодетого ребёнка, не обращая внимания ни на его вопросы, ни на хныканье, ни на попытки высвободить руку. Полнейшее равнодушие, нет даже тени раздражения на лице. Этакая топ-модель на подиуме с ненужным довеском.

Такие сцены заставляют задуматься о том, насколько глубоко оказались причины того снижения рождаемости, которое многими социологами расценивается как близкое к демографической катастрофе.

Обычно это явление связывают с тяжёлым материальным положением большинства российских семей, с неуверенностью их в завтрашнем дне, с растущими женскими алкоголизмом и наркоманией.

Но, скорее всего, причина намного глубже. Наша страна переживала и более тяжёлые времена (Великая Отечественная война, послевоенная разруха, неурожай 1947 г.), но женщины продолжали рожать, и дело было совсем не в сталинском декрете о запрещении абортов. Скорее всего, в крестьянском

сознании недостаточно в те времена урбанизированной страны сохранялось понимание многодетной семьи как семьи нормальной, обычной, а отсутствие детей — как величайшее несчастье, проклятье Божье.

Уменьшение рождаемости после войны началось только в среде городской интеллигенции и ни у кого особых тревог не вызвало. Стремительная урбанизация страны в 60-е годы усилила эти тенденции уже в рабочем классе. Но, что называется, на генетическом уровне сохранялось отношение к детям как к величайшей ценности, ещё более значимой, чем ранее, потому, что в семье теперь было один-два ребёнка, а семья с тремя детьми считалась уже многодетной.

Ребёнок становился центром семьи, всё отдавалось ему, всё делалось для его благополучия: игрушки, одежда, образование, музыкальная школа, бассейн, театры... Возник и получил широкое распространение такой перекосяк в нашем семейном воспитании, как гиперопека. Это когда родители желают управлять поведением и даже, можно сказать, жизнью своего чада чуть ли не до его седых волос.

В том же случае, который мы описали, речь идёт о моральном разрыве поколений. Эгоистичные, выросшие в условиях гиперопеки дети, которым в детстве ни в чём не было отказа, естественно и без труда восприняли западную модель взаимоотношений между людьми: живи для себя, ты ни перед кем не имеешь никаких обязательств. Ни перед родителями, которые в нынешних условиях уже не могут обеспечить тебе роскошную жизнь, ни перед своими детьми, потому что дети (на собственном примере) обычно неблагодарны.

Такие вот мамы во главу угла поставили свою красоту, сделали её основным капиталом и мало стесняются в средствах реализации этого капитала. Чаще всего они вышли из не то чтобы неблагополучных семей, а из семей с ослабленными связями (вечно занятый отец и из-

1

Лангмейер Й.,
Матейчек З.
Психическая
депривация в детском
возрасте. Прага, 1984.
С. 19.

мученная заботами мать, неполная семья, проживание в студенческом общежитии (вдали от семьи и т.д.). Обычно они имеют высшее образование, чаще всего гуманитарное, приобрели определённый лоск, научились уверенно держаться. Они недостаточно умны, чтобы стать хоть кем-то в профессиональной сфере, но достаточно умны, чтобы понять, что красота — капитал, тающий со временем. Поэтому главное для них в жизни — повыгоднее выйти замуж. Желательно за преуспевающего, пусть не очень умного бизнесмена, для которого красота и сексуальная привлекательность жены — в первую очередь вопрос престижа, возможность блеснуть на бизнес-раутах.

Ребёнок в такой, с позволения сказать, семье нежелателен, так как может испортить фигуру матери, но и не является трагедией, потому что хорошо вписывается в антураж преуспеяния: роды в престижной клинике, дорогая красивая детская одежда, бонна, гувернантка, частная закрытая школа и т.д.

Поразительно, но эти женщины на чисто лишены материнского чувства, совершенно холодны к своему единственному ребёнку. В чём причина возникновения этого особого психологического типа хищницы-эгоистки, трудно сказать. Возможно, это следствие агрессивной пропаганды того, что основной инстинкт — сексуальный, а не инстинкт продолжения рода. А возможно, что дело тут в каком-либо психическом заболевании, в лучшем случае — депрессии. Недаром же люди инстинктивно от этих дамочек шарахаются.

Размышлять о том, что их ждёт, бессмысленно. Это тип достаточно сформированный, «идейно подкованный», на любые уговоры-разговоры ответ прост: «Ты всю жизнь угробила на мужа и детей, я так жить не хочу. Отстань, твои взгляды из социалистического прошлого. Все вы совки».

Гораздо больше общество должна волновать судьба их морально искалеченных детей, не знающих материнской лас-

ки. В данном случае мы сталкиваемся с так называемой психической депривацией детей, которая чешскими учёными Й. Лангмейером и З. Матейчком характеризуется как «психическое состояние, возникшее в результате таких жизненных ситуаций, когда субъекту не предоставляется возможности для удовлетворения некоторых его основных (жизненных) психических потребностей в достаточной мере и в течение достаточно длительного времени»¹.

Видов депривации достаточно много, но наиболее тяжёлая для ребёнка — депривация в семье. В последние годы психологические проблемы депривированных детей активно исследуются. Довольно много публикаций посвящено психокоррекционной работе с детьми в детских домах, приютах, в комиссиях по делам несовершеннолетних, в пенитенциарных учреждениях, большое внимание уделяется деформациям характера детей в неполных и неблагополучных семьях. Отмечается, что много детей страдает так называемыми школьными неврозами. На этом фоне проблемы психического развития детей в «благополучных» семьях как-то отошли на второй план. А ведь практические психологи активно работают с детьми, неврозы у которых развились в результате депримирующего (подавляющего) влияния слишком властной матери, реже — отца, или в результате заброшенности ребёнка родителями, озбоченными карьерными соображениями.

И вот ещё одна проблема, характерная для нашего посткоммунистического общества, — психическая депривация детей в семьях «новых русских». Публикаций по этой проблеме почти нет. Какие же виды депривации испытывают, по нашим наблюдениям, дети в подобных случаях?

Самая первая опасная ситуация, в которую может попасть ещё до своего рождения ребёнок необуржуазной дамы, — это ситуация нежеланной беременности. Переживания будущей матери, её неуверенность в завтрашнем дне из-за грозящей потери привлекательности из-

меняют биохимический состав её крови, что сказывается на развитии плода. Такой ребёнок рождается с малым весом, поражением центральной нервной системы, различными физическими дефектами и даже с предпосылками к возникновению психических заболеваний, в том числе шизофрении.

При этом педиатры отмечают, что нежеланные мальчики развиваются хуже, чем нежеланные девочки. Возможно, потому, что мальчики в силу известного всем эдипова комплекса подчас больше привязаны к матери, а девочки достаточно быстро от такой мамы дистанцируются и стремятся стать полной её противоположностью. Давно замечено, что дочери равнодушных к ним матерей сами становятся хорошими матерями.

Вторая депривационная ситуация — это отсутствие эмоционального контакта с матерью. Мать если и ласкает ребёнка, то только на людях, по-актёрски, чтобы продемонстрировать, насколько она любит своё ухоженное дитя. Ребёнку покупается всё, что можно купить за деньги, но ему не достаётся того, что за деньги не купишь — материнской любви. Окружённые завистью и недоброжелательством сверстников, одинокие в своей семье, такие дети глубоко несчастны. А кто догадывается о их «невидимых миру слезах»?

Ни одна из жизненных коллизий не оказывает такого разрушительного действия на психику ребёнка, на формирование его жизненных установок, как депривация материнской любви. Даже вымученные-выкрученные дети властных матерей не так несчастны, как эти сироты при живой и находящейся рядом, но вдалеке красавице-матери.

Относительно будущего этих «деток в золотых клетках» можно сказать только одно: лишённые положительного опыта общения, положительного примера здоровой семьи, такие дети, вырастая, чаще всего не смогут создать собственную полноценную семью. Этим они мало отличаются от детей с другими типами

депривации (детей из неблагополучных или неполных семей, детей-сирот).

История нашей культуры изобилует примерами искалеченной личной жизни наших гениев, которые в детстве были лишены материнской ласки. Это Жуковский, женившийся только ближе к старости; Лермонтов, Тургенев, Чайковский, Гоголь, не сумевшие создать свою семью; Л. Толстой, мучившийся с женой сам и доведший её до психического заболевания, которое прошло после его смерти. Все они в детстве не чувствовали материнского тепла.

Но это гении, сумевшие найти себя в творчестве. А не гении? Что потом происходит с ними?

В том случае, который мы описали выше, мальчик с маниакальным упорством добивается внимания и любви матери, потому что ему, скорее всего, не на кого больше опереться. Отец или вечно занят, или уже нашёл себе новую «игрушку» и дома почти не бывает, а бабушка — далеко или работает, не покладая рук, чтобы обеспечить будущее единственного внука. Поэтому привязанность сына к матери переходит все пределы и близка к патологической. Такие дети, чтобы обратить на себя внимание матери, часто болеют. Причём болезнями, которые принято называть психосоматическими: острые респираторные заболевания, бронхиальная астма, болезни желудочно-кишечного тракта, энурез. Они обычно тихи, упорны, преувеличенно вежливы. Но в переходном возрасте такой мальчик теряет надежду завоевать привязанность матери и его любовь к ней сменяется холодным отчуждением. Он начинает искать такую подругу жизни, которая заменит ему мать, то есть жен-

щину мягкую, добрую, самоотверженную. Ищет довольно долго, а найдя... превращает её жизнь в ад. Подобных людей часто называют «энергетическими вампирами»: они чувствуют себя комфортно,

делая близкого человека несчастным, усталым, сломленным.

Вспомните, например, исповедь лермонтовского Печорина: «Как орудие казни я упал на голову обречённых жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... Моя любовь никому не принесла счастья,

потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться...»

Я тоже знала одного такого молодого человека, когда он уже был студентом. Лет в 12–13 он прыгнул в колодец, чтобы предотвратить свадьбу своей красавицы-матери с более «выгодным партнёром». Когда это не вышло, он долго болел.

Но завоевать любовь матери таким путём ему всё же не удалось, так как она перенесла на него своё негативное отношение к первому мужу. Тогда у него развилась депрессия. Основным видимым симптомом депрессии была булимия (патологическое обжорство). Он был красив, вежлив, дарил цветы к праздникам преподавателям и лаборанткам факультета, очень красиво ухаживал за девушками и чуть-чуть не женился на одной из них, но та, вероятно, что-то почувствовала и сбежала от него. Через несколько лет после окончания им института я случайно встретилась с ним на улице и он представил мне свою жену. Это была маленькая, худенькая, замученная молодая жен-

щина, казавшаяся невзрачной рядом со своим красавцем-мужем. Его служебная карьера была удачной, материальное положение — прочным. Свою семейную жизнь он считал счастливой. Но я не уверена, что того же мнения придерживалась его жена.

Кроме «энергетических вампиров», может возникнуть и другой тип характера — истероидный. Рассмотрим ещё один жизненный пример. На автобусной остановке всю капризничает ребёнок лет трёх. Рядом с безучастным видом, отвернувшись от малыша, стоит молодая мать. Невдалеке пожилая женщина колеблется, не зная, что предпринять. Вероятно, это свекровь. Наконец, она решается, подскакивает к ребёнку, берёт его на руки, малыш затихает. Молодая мать ровным голосом размеренно произносит: «Мама, не портите мне ребёнка!» Бабушка сажает мальчонку на лавку, и он тут же опять кричит. Женщины на остановке начинают волноваться: кто-то начинает его уговаривать, кто-то увещевает молодую мать. Ответ один: «Это мой ребёнок, воспитывайте своих». Наконец одна из женщин взрывается: «Бабушка, да возьмите же ребёнка! Он же оборётся на морозе и заболит!» Та берёт на руки мальчишку, и он затихает.

Как мы видим, в этом случае ребёнок получает какую-то компенсацию за отсутствие материнской любви. Чаще всего при таком «раскладе» у ребёнка вырабатывается скандальный характер. Он с раннего детства начинает понимать, что добиться чего-либо от матери невозможно, но вполне можно добиться своего, устраивая скандалы другим людям. Такие дети часто нарушают дисциплину в школе: кричат, паясничают, бегают по коридору, затевают драки. Поведение их меняется в лучшую сторону только в присутствии людей, которых они безоговорочно уважают, да и то ненадолго.

Разумеется, психологическая обстановка в такой семье тоже не из лёгких, хотя и более приемлемая, чем в семье «энергетического вампира». Обратимся

опять к известным людям. Маленький Саша Пушкин испытал на себе все перепады материнского настроения. И не удивительно, ведь характер Надежды Осиповны сформировался в условиях неполной (по современной терминологии) семьи: Осип Абрамович бросил жену, без развода женился второй раз, и бабушка поэта много лет добивалась восстановления своих законных прав и не очень-то любила похожую на отца дочь. Но самому-то Александру ещё повезло: у него была Арина Родионовна.

Кстати, любопытна динамика поведенческих реакций маленького Пушкина. Общеизвестно, что в раннем детстве он казался увальнем, который сидел обычно в кресле и грыз ногти. А потом вдруг превратился во «француза», «обезьяну», проказника и драчуна, то есть всем своим поведением стал напоминать «прекрасную креолку», свою мать. Из биографии в биографию кочует это описание, но никто как-то не задумывался о причинах этой метаморфозы. Аксиомой считается, что Пушкин не любил мать, которая причиняла ему много страданий в детстве своим невниманием, открытым предпочтением младшего сына Лёвы; что, выросши, он не часто бывал в доме родителей, не писал матери и никогда не упоминал о ней ни в письмах, ни в разговорах. И только в воспоминаниях А.П. Керн читаем: «Потом я его ещё несколько раз встретила с женою у родителей, незадолго до смерти матери. Она уже тогда не вставала с постели... Надежда Осиповна смотрела на них ласково, с любовью; а Александр Сергеевич, не спуская глаз с матери, держал в руке конец боа своей жены и тихонько гладил его, как бы выражая тем ласку к жене и ласку к матери; он при этом ничего не говорил». Это заставляет думать, что в отношениях Пушкина с матерью не всё было столь однозначно. Вероятно, своими капризами, истеричностью Надежда Осиповна поначалу попросту «забывала» сына, желая, чтобы он соответствовал её представлениям о «приличном» ребёнке. И определённая депривация материнского внимания после рождения Лё-

вушки была только на пользу Саше, освободив его от непрерывного гнёта. В любом случае семейная жизнь самого поэта была счастливой, хотя и почти такой же безалаберной, как и жизнь его родителей. Нет, под модель ребёнка, брошенного красавицей-матерью, Пушкин не подходит.

Итак, два типа характеров формируются в результате семейной депривации — «энергетические вампиры», пытающиеся восполнить дефицит тепла в детстве за счёт других людей, и истероидные личности, добивающиеся своих целей с помощью скандалов. Как правило, и те, и другие не могут в будущем создать полноценной семьи. И как мы уже отмечали, страдают от депривации материнской ласки в основном мальчики.

Возникает вопрос: кто поможет этим одиноким детям? Школа? А где вы видели в плане учебно-воспитательной работы школы графу «Психологическая помощь детям из высокообеспеченных семей»? Вместо неё есть графы «Работа с детьми из неблагополучных семей», «Профилактика детской безнадзорности», а в последнее время появилась новая — «Педагогический всеобуч».

Так кто же? Если не школа в целом, так, может, хоть отдельные учителя-энтузиасты, хорошие классные руководители? Но они скорее предпочтут работать с детьми алкоголиков, бегать по подвалам в поисках бомжующих детишек, чтобы вернуть их в школу, совать десятку голодному мальчишке. В лучшем случае педагоги посоветуют родителям отвести их сына с синдромом гипердинамичности на приём к психотерапевту.

Есть, впрочем, у опытных педагогов свои подходы к таким детям. Учителя «берут их в оборот», взвинчивая темп работы

с ними: дают дополнительные задания на уроке, поручают выполнить какие-либо дела, требующие смекалки, ловкости, быстроты, выдвигают в лидеры. Есть даже такой простенький приём: чтобы маленький паяц не мешал вести урок, на перемене ему поручают организовать игру в догонялки со всем классом по очереди. Убегавшись в перемену, выплеснув дурную энергию, на уроке он будет уже продуктивно работать. Эти дети хотя и доставляют массу хлопот и временами раздражают, всё же открыты для педагогического воздействия. В более же тяжёлых случаях (конфликтность, излишнее упрямство, эмоциональные взрывы, неконтролируемая суестьливость), когда можно подозревать неврологическую симптоматику, понадобится консультация психиатра, поскольку меры педагогического воздействия, работа психолога и даже психотерапевта могут лишь затянуть разрешение ситуации.

Но самое главное — согласованность действий всех педагогов и психологов, работающих с таким мальчиком. Каждый должен понимать, что перед ним не забалованный, капризный, испорченный богатством ребёнок, а просто несчастный мальчишка. И коли уж ему недостаёт ласки дома, пусть ему будет комфортно в школе.

Гораздо сложнее обстоит дело с «энергетическими вампирами». Дело в том, что это проблема не педагогическая, а чисто психологическая. Очень часто учителя и не подозревают, какая бездна отчаяния в душе этого мальчугана. Сидит себе на уроке спокойный ребёнок, работает, вежлив, неагрессивен. Немного ленив, конечно. Частенько болеет, но учится нормально, не хуже других. И вдруг, как гром среди ясного неба, — попытка суицида с предсмертной запиской: «Я не хочу так жить. Я устал от одиночества». Первая мысль у учителей: «И чего ему надо? Одет, обут, накормлен. Птичьего молока не хватает?» Вто-

рая мысль: «С такой мамашей точно хоть в петлю. Бегает по бутикам и косметическим салонам, а на сына наплевать». И третья: «Бедный мальчик!» И вот тут-то начинается самое сложное. «Энергетический вампир», как клещ, вцепляется в ту добрую душу, которая его пожалела (учителя-мужчины его, как правило, не интересуют: он подсознательно ищет себе вторую мать). Мальчик старается сделать так, чтобы его приняли в доме учительницы, он бегает в магазин, помогает ухаживать за детьми, дарит цветы и дорогие подарки, приглашает её в театр. Вначале это умиляет, но постепенно его жертва обнаруживает, что этот милый мальчик претендует на всё её время, внимание, чуть ли не на всю её жизнь...

Итак, мы с грустью можем констатировать разрушение контактов родителей с детьми не только в так называемых неблагополучных семьях, но и во внешне благопристойных семьях «новых русских». Здесь буржуазное понимание цели и смысла жизни как достижения максимального количества личных благ зачастую приводит к тому, что дети живут в условиях «эмоциональной Антарктиды», лишённые ласки матери. А поскольку социологи прогнозируют дальнейшее расширение «среднего класса», то есть опасность увеличения количества таких вот обездоленных детей. ■

